

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

Владимир Константинович Криворученко: «У меня все отточено»

Криворученко Владимир Константинович — доктор исторических наук, профессор, заместитель начальника Управления аспирантуры и докторантуры МосГУ, профессор кафедры истории МосГУ, академик Академии гуманитарных наук. Направления его исследований: отечественная, политическая и социальная история, теория и история политической науки, методология и история молодежного движения.

В. К. Криворученко опубликовал более 450 научных работ, общим объемом свыше 500 п. л., в том числе 7 монографий и 19 коллективных монографий, 31 брошюру. Основные научные труды: «Наука о молодежи: история и политика. Избранное 1990-х годов» (М., 1999); «Единство цели» (М., 1980); «В тисках сталиницы» (М., 1991); «Молодежная политика в терминах и понятиях» (М., 2005 и 2006); «Политическая система советского общества: противоборство тоталитарности, авторитарности и демократии» (М., 1998); «Диссертационное исследование: методика, практика, рекомендации» (М., 1991), «Диссертация — важнейшая часть науки» (М., 2007); «Единство образования и воспитания в общеобразовательной школе» совм. с С. В. Квитко (М., 2004); «А. Д. Троицкий: обращение к молодежи» (М., 1990); монографии в соавторстве: «Очерки истории ВЛКСМ. В поисках истины» в 2-х частях (Саратов, 1991),

«Коллизии “хрущевской оттепели”» (М., 1998), «Молодежное движение в России» кн. 1: «Середина XIX — 20-е годы XX в.» (М., 1997).

Наш разговор о том, как ученый и педагог избрал свой путь, каковы цели и задачи его работы сейчас в МосГУ.

— Владимир Константинович, Вы ведь по своей специальности инженер-механик. Как получилось, что Вы стали гуманитарием? Кто или что повлияли сначала на выбор вуза, а затем на изменение направления?

— Начну с того, что я родился в Ростове-на-Дону в 1930-м году. Родители только заботились обо мне, растили, но не влияли на мой выбор учебы. Отец закончил только три класса школы. Работал в последние годы своей жизни в административно-хозяйственной части разных государственных предприятий. А мама никогда не училась, продавала семечки на центральной улице города — Пушкинской. Жили мы бедно, в подвальном помещении, затем в полуподвале. Первое нормальное жилье (комната в общежитии) у меня появилось позже, когда я перебрался уже в Москву с женой в 1956 году. Кстати, это общежитие на территории университета — корпус «А».

— Ваша супруга тоже из Ростова?

— Да, она училась со мной в одном институте сельскохозяйственного машиностроения. Я — на инженера-механика по холод-

ной обработке металлов, а она — инженер-конструктор.

— Почему Вы решили стать инженером?

— Поясню. Сейчас у меня достаточно много степеней, званий; кто знает меня, скажут, что я — человек смелый. Но должен признаться, что долгое время я был весьма робким. Учился всегда на «отлично», но в то же время считал, что недостаточно образован.

В Ростове, конечно, самым крупным высшим учебным заведением был университет. Но я даже не пытался штурмовать его. Решил пойти в машиностроительный: там конкурс был не такой большой. Да и профессия инженера тогда была престижной. Это сейчас только я понимаю, что мне надо было пойти на гуманитарную специальность, я мог поступить в университет.

Собственно в моем дальнейшем становлении, я считаю, большую роль сыграл комсомол, общественная работа. Уже на втором курсе я стал заместителем секретаря комитета комсомола института, на третьем — секретарем комитета. К повышенной стипендии 50 рублей (за отличную учебу) в дополнение получал зарплату 70 рублей. (Кстати, тогда инструктор ЦК ВЛКСМ получал 140 рублей). А надо подчеркнуть, что в то время студентам очной формы обучения не разрешалось работать, можно было только разгружать вагоны на железной дороге.

— Каким сделала Вас общественная работа, комсомол? Что Вам вспоминается из той поры?

— Я помню один месяц — март 1953 года, как самый насыщенный знаковыми событиями. Пятого марта, как вы знаете, умер Сталин. Через две недели меня приняли в члены КПСС. А 29 марта образовалась моя семья.

Конечно, в то время, я, как и другие, мало знал о репрессиях, расстрелах и культуре личности. Это позже я собрал материалы, написал и издал книгу «В тисках сталинщины» (М., 1991). А тогда смерть Сталина перенес достаточно тяжело. Было тревожно, непонятно, что нас ждет.

Вспоминаю один случай и до сих пор не нахожу однозначного определения: «пятно»

это на мне или нет. Рядом со зданием нашего института стоял монумент Сталину. Мы посылали дежурить к нему студентов с повязками в знак траура. Один из них отказался. Я, как секретарь, поставил вопрос о том, чтобы исключить его из комсомола. Так и сделали...

— Что с ним стало после?

— Ничего страшного, его не преследовали, он благополучно окончил институт. Сейчас, когда современные исследователи однозначно осуждают действия партийных работников, я призываю подумать, а как бы они сами тогда себя вели. До того, как я впервые в 1956 году услышал о культуре личности, мое отношение к вождю было однозначным, вера в него была железная, как и у миллионов людей. Ведь по сравнению с нашими родителями мы стали жить лучше, получили образование.

В институте я стал заниматься наукой, но связанной с техникой. Выполнял большую дипломную работу, за которую меня даже наградили. Отлично знал математику. Самый любимый мой предмет в вузе — «Сопrotивление материалов». Надо сказать, что это была самая сложная дисциплина, в которой использовалось много формул. Бытовало мнение: если смог сдать «Сопrotивление материалов», то можно жениться...

Далее я мог пойти в аспирантуру, при распределении мне предложили ехать в Киев, поступать в знаменитый Институт электросварки им. Е. О. Патона. Но... я продолжал робеть, не был уверен что сдам экзамены, пройду испытания. Кроме того, надо было заботиться о семье (тогда мама была на моем иждивении), стипендия аспиранта была слишком мала.

Учитывая мое желание, меня с женой распределили на ростовский завод. Так я стал старшим инженером, начальником производственного участка завода №140 г. Ростова-на-Дону.

А через полгода меня послали на должность комсорга ЦК ВЛКСМ завода «Ростсельмаш». Собственно инженерная работа на этом закончилась. Хотя полученные зна-

ния в техническом вузе я очень ценю и благодарен судьбе.

— *Ваша карьера с этого момента быстро пошла в гору. Затем по той же комсомольской линии приглашение работать в Москву, в ЦК ВЛКСМ...*

— Да, прошло немного времени, и в 1956 году меня пригласили в Москву, в ЦК ВЛКСМ. В это время мне было 25. Я стал инструктором, затем — помощником первого секретаря, заведующим отделом ЦК ВЛКСМ и первым заместителем директора издательства «Молодая гвардия».

Однако, по поводу изменений в судьбе. В памяти у меня сохранилась одна встреча. Когда я еще не поступил в институт, мне цыганка предсказала судьбу, и в частности сказала, что я очень долго буду работать в одном месте. Так и получилось. С 1954 по 1971 год я работал в комсомоле, затем и до сегодняшнего дня я — в университете. Если бы не события последних лет, мог бы сказать, что остался в одной организации, в одной системе — комсомольской. Здесь много моих коллег. Я благодарен судьбе за то, что мне встречалось огромное количество умных людей, которые давали знания, делились со мной опытом. Я стремлюсь к таким людям, ценю дружбу с ними.

— *А много у Вас друзей?*

— Самый близкий мой друг — заведующий кафедрой истории МосГУ профессор Анатолий Акимович Королев; также профессора Луковы — Валерий Андреевич и Владимир Андреевич. Хоть сын первого учился с моим внуком и у нас большая разница в возрасте, мы — настоящие друзья, коллеги, единомышленники. Проректор по учебной работе Борис Александрович Ручкин — мой друг. Я могу сказать об этом, так как он не является моим непосредственным руководителем. Иначе бы смутился называться другом начальника.

Вот уже двадцать лет я дружу с доктором исторических наук, ныне проректором Московского городского университета управления Правительства Москвы Сергеем Алексеевичем Погодиным. Примечательным

было наше знакомство на совещании Высшей аттестационной комиссии в Краснодаре в 1991 году. Когда он узнал, что среди участников есть В. К. Криворученко, он нашел меня и сказал, что будет критиковать. Дело в том, что по статистике он заметил, что я очень много оппонирую. Действительно за год я был оппонентом 17 диссертаций по разным темам! Я согласился, но спросил: «У вас в экспертном совете было хоть одно замечание по одному из этих моих семнадцати отзывов?». Как оказалось, не было, и ему нечем стало возразить.

— *Все-таки с какого момента Вы переквалифицировались в гуманитарии, какие темы избрали для кандидатской и докторской диссертаций?*

— У научного мира бытует установка о том, что выбор научного направления должен быть связан с базовой специальностью. Не всегда в жизни так получается. В моем случае оказалось, что весь мой путь связан с вопросами воспитания, с деятельностью партии, комсомола, с гуманитарными науками. При этом я не стремился работать именно на диссертацию. Я защищал то, что работал. Когда в 1971 году я выходил на защиту кандидатской диссертации, посвященной деятельности комсомола в народнохозяйственном строительстве (кстати, у меня единственный орден именно за ударные стройки), у меня было уже опубликовано 150 печатных листов. Спустя 10 лет перед защитой докторской (о партийном руководстве комсомолом) — уже 350 печатных листов. В Институте марксизма и ленинизма при ЦК КПСС, куда я оформлял документы в докторский диссертационный совет, даже заведующий отделом не имел такого объема работ. Чтобы не смущать их, пришлось прийти к соглашению, что я укажу в своих данных: «больше 100 печатных листов». Я всегда писал так много, что мне даже... стыдно.

Можно сказать, что профилем работы я приобрел второе базовое образование и уже в этом русле входил в науку.

Постепенно с вопросов комсомольской и партийной истории я перешел в научных

интересах к политической науке. Даже хотел защитить вторую докторскую по совокупности опубликованных работ. Но меня отговорили семья и друзья: много волнений и хлопот.

— *Чем Вы занимаетесь сегодня?*

— Так как мне много приходилось работать в составе диссертационных советов, постепенно в круг моих интересов вошли вопросы науковедения — теория и методология науки. Примечательным оказалось также и то, что в 2002 году меня пригласил перейти на факультет научно-педагогических кадров университета (тогда Московской гуманитарно-социальной академии) Вячеслав Григорьевич Ярмольчук, который тогда руководил этим факультетом. Я пошел с огромным удовольствием. Сейчас это Управление аспирантуры и докторантуры МосГУ, руководитель — доктор педагогических наук Лариса Валерьевна Романюк.

Извините, если нескромно. На одном заседании Ученого совета университета покойный профессор Виталий Васильевич Журавлев произнес: «Криворученко — находка для аспирантуры». Я бы сказал так: аспирантура — это находка в моей судьбе, которая предопределила мои жизненные и научные интересы, и я очень этому благодарен.

У меня пять направлений работы в Управлении. Первое — издание сборников трудов аспирантов и докторантов университета. С 2002 года у нас уже вышло — 79. Второе направление — издание информационно-методических бюллетеней для руководителей диссертационных советов и кафедр по вопросам работы с аспирантами, проблемам защит диссертаций. В них публикуются документы Правительства, Министерства, ВАК. Порой мы работаем даже оперативнее, чем чиновники Высшей аттестационной комиссии. Например, вышло Положение о диссертационных советах. Я нашел его размещенным в Интернете сначала на сайте «Гарант», взял текст оттуда и опубликовал в нашем бюллетене. На сайте ВАК этот документ появился только спустя две недели.

Третье мое направление — методологическая работа. С 2002 года я издал четыре большие книги (монографии и учебные пособия) по методологии и методике диссертационных исследований. Вот еще с типографским приятным запахом вышедшая в Национальном институте бизнеса монография «Диссертация — важнейшая часть науки», 35 печатных листов.

Я критикую позицию ВАК, которая рассматривает диссертационные исследования в отрыве от общего развития науки. Раньше ВАК был государственным учреждением при Совете Министров, определял общие тематические приоритеты для защищающихся работ. А сейчас таких рекомендаций нет. Я считаю, что если государство финансирует вас, то вы должны отчитываться, работать в русле государственных интересов. Но не всегда ученые это осознают. Сама Высшая аттестационная комиссия должна заниматься не только административно-нормативными вопросами, но и активно влиять на формирование тематики диссертационных работ.

Только что вышло в свет мое исследование «Аттестация научно-педагогических кадров: вопрошая прошлое, осмысливая будущее, задумываясь о будущем» (М., 2007). В нем я делаю исторический обзор о том, как присуждались ученые степени в России в первой половине XIX века, рассматриваю в сравнительном плане советскую и российскую системы аттестации научно-педагогических кадров. В нынешнем состоянии система полна недостатков. В Бюллетене ВАК публикуются темы диссертаций уже накануне защиты, в большинстве случаев определение ведущей организации и ее отзыв на диссертацию — дело больше формальное, и многое другое.

Реформа системы проходит тяжело. Мы много ждали от нового положения о диссертационных советах, о котором я упоминал. В нем есть новации, но они больше административного плана, очевидна только техническая модернизация, никак не содержательная.

Особый вопрос о журналах перечня ВАК. Безусловно, публикации по теме диссертации должны быть солидными, это аксиома. Конечно, нужен порядок, его надо выработать, держать курс на улучшение качества собственно научных публикаций. Но нынешняя мера расценивается скорее как искусственные рогатки: перечень мал, пробиться в журналы могут далеко не все, в нескольких страницах отразить суть исследования весьма проблематично.

Необходимо, на мой взгляд, искать новые формы организации подготовки аспирантов и докторантов. К примеру, я предлагаю распространить опыт Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, в котором с 2003 года действует Институт аспирантуры и докторантуры. Он является структурным учебно-научным подразделением университета на правах факультета. При Винницком национальном техническом университете также существует Винницкий Национальный институт магистратуры, аспирантуры и докторантуры. Эти подразделения сосредотачивают и решают все вопросы, связанные с подготовкой научно-педагогических кадров, организуют и контролируют работы кафедр с аспирантами и докторантами. Говоря о подобных институтах, я бы даже использовал слово «комбинат». Это должен быть конгломерат учебного и научного учреждения, научный центр мысли в соответствующей области науки.

— *Реально ли создать такой, как Вы говорите, «конгломерат» — в нашем университете?*

— Уверен, что можно. Конечно, управлению аспирантуры надо вернуть очень правильный статус — факультет научно-педагогических кадров. Система обучения аспирантов должна быть общеуниверситетская, а не кафедральная. Необходимо целенаправленно вести обучение методологии и методике научного исследования. Именно факультет (институт) может установить четкий контроль за работой аспирантов. В стране сложилась система аспирантуры, она имеет свои успехи, но всем очевидно, что эта систе-

ма сейчас мало эффективна, надо искать пути не модернизации, а активизации процесса работы над диссертациями.

Анализ деятельности диссертационных советов нашего университета составляет четвертое из пяти направлений моей работы. Советов всего у нас семь. Я провел разностороннее исследование по разным аспектам их работы с 2000 года: сколько аспирантов и докторантов, у каких руководителей, по каким кафедрам, сколько соискателей, защит и пр.

— *Каковы Ваши выводы по деятельности диссертационных советов нашего университета?*

— Первая большая беда: мало защищает «истинных» аспирантов — тех, кто поступил к нам на учебу. Больше защит соискателей со стороны. Это показатель работы научных руководителей. И не только в МосГУ, а везде.

Надо сказать, что в Высшей аттестационной комиссии прекрасно понимают эту проблему. Три года назад на коллегии Министерства поставили вопрос о рубеже: если из принятых на кафедру аспирантов защищает менее 25%, то работа кафедры признается неудовлетворительной и прием в аспирантуру следует приостановить.

Тогда речь шла только о государственных вузах. Теперь данное положение распространено и на негосударственные, это аттестационный показатель.

— *Как у нас с этим рубежом?*

— Мы его проходим, но лично я все равно не удовлетворен. Сложно управлять аспирантами, влиять на выбор ими тем диссертаций. Это особая проблема для аспирантуры, за которую платят они сами. В государственных вузах ситуация иная, руководство может управлять этим процессом, определять темы, приоритетные для вуза. Я, например, вижу это в университете управления московского правительства.

— *Но это их системное преимущество. МосГУ же не может жестко диктовать свои условия. Наверное, стоит задача гибкого совмещения интересов?*

— Да, вы правы. Поэтому мы в университете в первую очередь проводим «ревизию» научных интересов кафедр, одновременно налаживая коммуникации между ними и нашим управлением, изучаем, насколько темы аспирантов «стыкуются» с научными интересами самих руководителей, в том числе поддержанные грантами разных уровней. Особенно последние, на мой взгляд, являются хорошими ориентирами для поступающих к нам в аспирантуру. Темы востребованы, финансируются. Данный факт не может не представлять интерес для тех, кто сам платит за свою учебу.

— *Вы говорили о пяти направлениях Вашей работы. Какое пятое?*

— Мое собственное научное руководство. У меня было много учеников при советской власти, тогда людьми можно было руководить, все защищались. Лишь одна у меня была заочница, которая по своей вине не дошла до защиты.

Сегодняшний аспирант, как я уже говорил, это наша головная боль. Он не ходит на консультации, не слушает советов, порой выбирая сам неподъемную тему. Поэтому лично я давно переключился на докторантов, они — коллеги, идут со своими почти готовыми исследованиями, охотно работают. С 2000 года у меня наибольшее количество защитившихся в наших советах докторов наук — 7 человек. Всего на сегодня под моим руководством докторами наук стало 23 человека, кандидатами — 44 человека.

Мой многолетний опыт руководства таков, что я точно знаю, как лучше сформулировать тему, какие могут быть вопросы к работе и соискателю у диссертационного совета и экспертного совета ВАК, как следует писать заключение по исследованию. У меня все отточено. При этом, я подчеркиваю:

нельзя работать только на диссертацию, важно грамотно заниматься наукой, работать аккуратно, плодотворно и тогда не будет проблем с защитой.

— *Помимо ценных советов для защищающихся, я вижу, Вы можете давать «форму» многим коллегам младше Вас в части освоения новых средств коммуникации. Вы активно используете Интернет, ведете обширную электронную переписку. Легко ли было осваивать?*

— Я до этого умел печатать на пишущей машинке. Кстати, свою докторскую диссертацию в семьсот страниц я сам трижды печатал на машинке. Поэтому к модернизации был готов. В 1996 году первый компьютер мне привез внук. Показал, что и как делать, а дальше мне пришлось самому учиться. Очень понравилось!

Вот, например, сборник «Научные труды Московского гуманитарного университета» и Информационно-методический бюллетень я делаю полностью как научный и литературный редактор, корректор, верстальщик.

Особенно люблю «лазить» по Интернету. Там можно найти колоссальное количество материалов для тех же кандидатских диссертаций. Поэтому я пропагандирую компьютер и Интернет среди коллег. Кроме того, приучаю их к культуре пересылки электронных писем. Во-первых, почту надо проверять регулярно. Во-вторых, писать не короткие сообщения без обращений: «Отправляю», «Получил», а обязательно начинать с вежливых слов, типа «Уважаемый» и так далее. Лично я не требую, чтобы меня уважали, просто считаю, что электронная переписка — это тоже важный вид общения, показатель культуры.

Беседовала
Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ